

НАВАЖДЕНИЕ КАРЛА БРЮЛЛОВА

В мастерской Брюллова, что на улочке Сан-Клаудио, царил страшный беспорядок. Холсты, обрывки бумаги, старые кисти - - все разбросано как попало. Юлия, появившись на пороге студий, всплеснула руками: как же Карл может работать в такой обстановке? Воспользовавшись его отсутствием, графиня по-хозяйски взялась за дело: настезь распахнула окна и принялась перебирать старые наброски!

Но что за наваждение? Вот уже битый час она переключалась с места на место кипу мятых белых листов, и отовсюду на нее смотрело... ее собствен-

ное лицо! Один рисунок определенно поправился ей больше остальных: на нем графиня, совершенно нагая, обнимала статного юношу, подозрительно похожего на самого Брюлло-ва... Карл, появившись в мастерской с бутылкой красного вина, застыл на месте: графиня Самойлова, обнаженная, полулежала на маленьком бархатном диване. «Мне кажется, вам никак не удаются мои ноги. В действительности они гораздо лучше, чем на том рисунке, что попался мне на глаза. Помнится, вы давно просили меня попозировать? Так вот, я наконец согласна...»

Прошел всего месяц с тех пор, как графиня Юлия Самойлова и Карл Брюллов были представлены друг

другу кумушки тут же зашептались о том, что графиня Самойлова, легко пускавшаяся во всевозможные любовные авантюры, завела новую страсть.

Юлия догадывалась, что все вокруг считают ее ветреной, легкомысленной, капризной кокеткой, проводившей жизнь в поисках острых ощущений. За ее спиной всегда раздавался еле слышный шепоток: «Та самая Самойлова... Вы знаете, что намерены она вышла встречать пожаловавшего к ней с визитом английского дипломата лишь в легком ночном пеньюаре? Говорят, бедняга не знал, куда глаза деть от смущения...» Но графиню эта суэта вокруг ее персоны только забавляла: право же, так скучно всегда оставаться добропорядочной, воспитанной дамой, от которой за версту несет нафталином! Господь сказал: будьте как дети. Так что же плохого в том, если она время от времени позволяет себе невинные шалости?

Любимая бабушка Катерина частенько говорила: несмотря на то что ей уже за двадцать, Юлия по-прежнему

Карл был в дурном расположении духа: несколько дней назад влюбленная в него молоденькая дурочка покончила с собой, прыгнув с моста в реку

другу на приеме у князя Гагарина, российского посланника в Риме. Карл тогда был в дурном расположении духа: несколько дней назад Анриенна Демурлен, влюбленная в него молоденькая дурочка, покончила с собой, прыгнув с моста в реку. И теперь весь Рим только и судачил о том, что Брюллов погубил невинную душу. Одной графине Самойловой, кажется, пет до этого никакого дела. Подумаешь, какая-то сумасшедшая захотела свести счеты с жизнью! При чем же тут великий художник? Графиня решила пригласить Карла к себе на обед. Она-то уж точно знала: за рюмочкой прекрасной сливовой настойки все грустные мысли испаряются, как легкий туман поутру.

По-видимому, Брюллов в полной мере оценил достоинства знаменитой настойки, потому как с той поры стал с завидной регулярностью навещать на виллу «Джулия». Светские

му остается балованным ребенком, привыкшим по первому требованию получать все, что только заблагорассудится.

Бабка с дедом, у которых она воспитывалась вплоть до замужества, души не чаяли в своей дорогой внучке! Бабушка Юлии, графиня Екатерина Васильевна Скавронская-Литта, отдала девочке всю нерастрченную любовь, которую не смогла подарить двум собственным дочерям. В юности Катя Энгельгард, племянница Григория Потемкина, которую дядюшка окружил совсем не родственной любовью, так часто навещала повитуху, что надолго потеряла всякий вкус к материнству. Выйдя замуж за графа Павла Скавронского и произведя на свет одну за другой прекрасных, как ангелов, девочек, Екатерина Васильевна тут же забыла об их существовании, препоручив все заботы об обеих крошках

старенькой нянюшке. Много лет спустя младшая дочь Маша последует примеру матери и после развода с Павлом Паленом доверит Юлию заботам Екатерины Васильевны, навещаясь к малышке лишь пару раз в году.

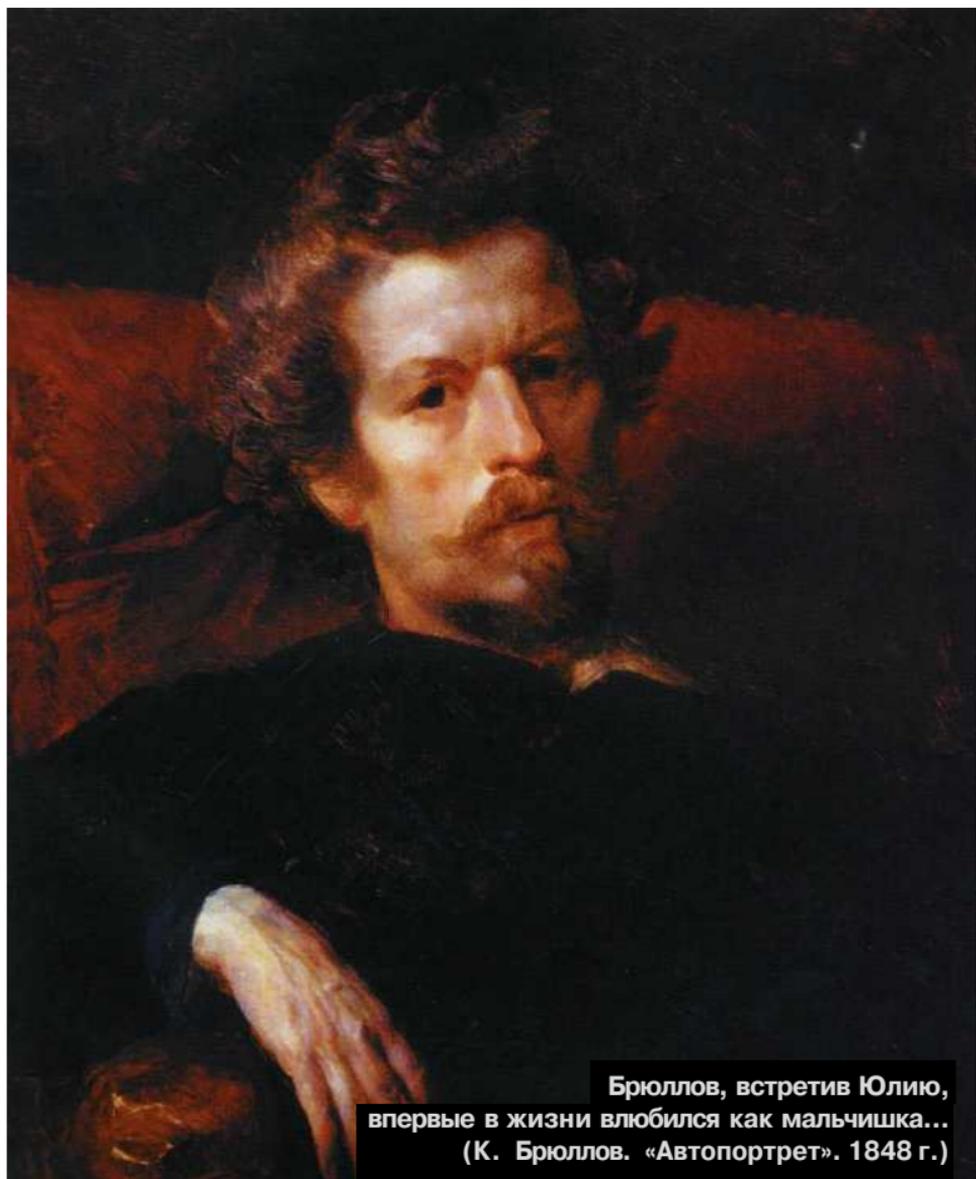
Честно говоря, Юлию это обстоятельство совсем не смущало: она и сама не очень часто вспоминала о родителях, пока ей не исполнилось четырнадцать. Однажды на большом семейном торжестве, спрятавшись за тяжелой портьерой в комнатке рядом с гостиной, она услышала, как давняя подруга бабушки вскользь обронила: «Сходство Юленьки с отцом делается все более разительным. Екатерина Васильевна воспитывает девочку, которая как две капли воды похожа на ее собственного мужа. Это так бросается в глаза...»

Юлии показалось, что земля уходит из-под ног: как долго еще родные собирались скрывать от нее правду?

Юлий Помпеевич Литта (бабка Катерина вышла за него замуж, похоронив графа Скавронского, когда Литта

по делам Мальтийского ордена приехал в Петербург) сидел в массивном дубовом кресле, по обыкновению перед сном раскуривая трубку, когда внучка, словно ураган, влетела в его комнату. «Это правда, что ты мой отец?» — выпалила она с порога. На минуту сделалось очень тихо, а потом Юлия бросилась к деду и зарыдала безутешно, навзрыд, как не рыдала никогда в жизни. Она проговорила с дедом почти всю ночь. Но как ни просил ее старый граф не обращать внимания на их сверхъестественное сходство, как ни умолял внучку не верить досужим сплетням, где-то в глубине души у девочки осталась уверенность, что Юлий Помпеевич так и не открыл правды. Дед взял с нее слово ничего не рассказывать бабушке: та не отличалась крепким здоровьем, и с ней вполне мог случиться апоплексический удар, если бы узнала, что за вопросы вертятся на языке ее милой девочки.

Екатерина Васильевна, конечно, не могла не заметить, что внучка уже который день ходит сама не своя. Навер-

Брюллов, встретив Юлию, впервые в жизни влюбился как мальчишка... (К. Брюллов. «Автопортрет». 1848 г.)

ное, проказница опять стащила ее любимую алмазную подвеску! Юлия, и правда, с тех пор как стала дотягиваться до бабушкиного туалетного столика, регулярно примеряла ее драгоценности. Жемчужная диадема, рубиновые подвески, кольца с бирюзой - Екатерина Васильевна находила их в самых укромных уголках огромного

кой скандал она учинила, когда ей самой наконец сшили первое в жизни вечернее платье! Прямо перед началом бала юной графине вздумалось спарывать с него коричневую тесьму. Она так торопилась, что вылетела из дома, даже толком не осмотрев себя в зеркало. Каков же был конфуз, когда, вальсируя с молодым офицером,

когда-нибудь и выйдет замуж, то только по взаимной любви, за человека, который будет предан ей душой и телом без всякой там ворожбы...

На самом деле все получилось по-другому: юную графиню фон де Пален по воле бабушки обручили с флигель-адъютантом графом Николаем Самойловым. Их брак был делом решенным, несмотря на то что жених питал нежную привязанность совсем к другой особе. Догадаться об этом было нетрудно: после свадьбы муж, свалившись с жесточайшей лихорадкой, целый месяц провел в постели и в забытии называл ее Александрой. Юлии хватило здравого смысла не строить из себя обманутую жену, но с тех пор она сочла себя свободной от всяких обязательств перед супругом. О чем графиня и дала понять весьма недвусмысленно: вскоре граф Самойлов застал женушку целующейся с управляющим их имения.

Разъехавшись с мужем, Юлия обосновалась в Славянке, одном из самых роскошных имений Скавронских, откуда было рукой подать до Петербурга. Устраивая бесконечные званные обеды и ужины, графиня так

Юлия вдруг заметила, что кавалер резко отпрянул и сбился с ноги: «Графиня, вы занимаетесь ворожбой? У меня уже есть невеста...»

дома. Ей чуть ли не силой приходилось выставлять несносную девчонку из своего будуара. А что внучка вытворяла с ее парадными платьями! Шитые бисером и золотой тесьмой, они привлекали девочку как магнит, Юлия часами разгуливала в них по дому — не важно, что бабушкины наряды были велики и волочились по полу. А ка-

Юлия вдруг заметила, что кавалер резко отпрянул и сбился с ноги: «Графиня, вы занимаетесь ворожбой? Тогда я должен предупредить: у меня уже есть невеста...» Оказывается, уколотившись о булавку, которую она по забывчивости оставила в лифе платья, офицер подумал, что его прекрасная визави — колдунья! Вот уж глупости, если она

Приемные дочери оказались неблагодарными: повзрослев и выйдя замуж, они будто забыли о своей приемной матери (Портрет графини Юлии Самойловой с воспитанницей Амалицией Паччини. 1839 — 1840 гг.)

весело проводила время, что за короткий срок спустила на ветер целое состояние.

Бабка Екатерина так и отошла в мир иной, не дождавшись, когда внучка остепенится. Сразу после ее похорон в 1829 году Юлия уехала в Италию. Море и свежий средиземноморский воздух помогли сгладить боль утраты. Уже через два месяца Юлия спрятала в дальний угол гардеробной траурное платье (надо заметить, вызывающе открытое, так как черный цвет никогда не был ей к лицу), и на виллу к ней снова потянулись гости. Театральные представле-

ния, маскарады, музыкальные вечера... В салон экстравагантной русской графини частенько заглядывал сам маэстро Джакомо Россини и всякий раз просил прекрасную синьору открыть секрет: как, оставляя на сон не больше пяти часов, она умудряется так потрясающе выглядеть?

Карл Брюллов, которого с первого дня знакомства неудержимо тянуло к Самойловой, тоже восхищался умением графини оставаться неотразимой даже тогда, когда она еле держалась на ногах от усталости. «Графиня, почему вы никогда не даете почувствовать себя слабой? Ведь так приятно

Карл изобразил Юлию на картине аж трижды. А в глубине, на заднем плане, он запечатлел их вместе — испуганная девушка и художник, которые пытаются спастись от окружающего их безумия... («Последний день Помпеи». 1833 г.)

позволить кому-то о себе позаботиться. ...Юлия только отшучивалась: «Пока я сама с собой вполне неплохо справляюсь». Брюллова подкупала подобная откровенность, но после памятного сеанса в мастерской он впервые почувствовал себя не в своей тарелке. «Ты был очень мил, — услышал художник. — Пожалуй, я загляну к тебе еще раз на следующей неделе...» Карл не нашелся, что ответить, а графиня уже удалилась, оставив после себя лишь легкий аромат цветочных духов да шемящую сердечную тоску, которая так мешала работать...

Брюллов впервые в жизни влюбился как мальчишка. Его словно подменили: известный всему Риму дамский угодник теперь будто прирос к

одной-единственной юбке. А графиню, кажется, его страдания только забавляли. Скольких усилий ему стоило, например, уговорить Юлию поехать с ним в Помпеи! Он уже давно мечтал написать огромное полотно — картину гибели прекрасного древнего города. Но любимая осталась почти равнодушной к его замыслу: бродить целыми днями по руинам казалось графине занятием скучным и утомительным. Говорили, что там до сих пор можно различить еле уловимый запах гари. И, честно говоря, она искренне сомневалась, что художника, бродящего по пепелищу, скорее посетит вдохновение... Много лет спустя, увидев «Последний день Помпеи», Юлия только улыбнется: Карл в

то время определенно был очень сильно в нее влюблен, если изобразил ее на полотне аж трижды! В глубине картины, на заднем плане, он даже запечатлел их вместе — испуганная девушка и художник, которые пытаются спастись от царящего вокруг безумия. Карл все же добился своего — хотя бы на этом куске холста они навеки останутся рядом.

В 1841 году Юлия вдруг заскучала в Риме. Ей, всегда столь пренебрежительно отзывавшейся о женщинах, проводивших дни за пальцами у детской колыбельки, неожиданно захотелось простого домашнего уюта. Графиня вернулась в Петербург, преисполненная желанием помириться с мужем. Но граф Самойлов нарушил все ее планы: по возвращении своей блудной супруги он неожиданно скончался...

...Отважился связать себя семейными узами и Брюллов. Почти в сорок лет он женился на юной и свежей, словно майская роза, Эмилии Тимм, дочери адвоката из Риги. Однако и его мечтам обрести тихую семейную гавань не суждено было сбыться: молодая супруга оказалась на редкость мелочна, скардна да к тому же вульгарна до невозможности. Эмилия давно состояла в любовной связи со своим родственником и, кажется, не имела никакого желания скрывать это обстоятельство от мужа. Бракоразводный процесс стоил художнику немало седых волос (одно время он даже всерьез подумывал о том, чтобы пустить себе пулю в лоб). Неверная жена дошла до самого императора Николая I, рассказывая о том, как Брюллов воспользовался ее невинностью, а теперь хочет бросить на произвол судьбы. Художника спасло только то, что император редко принимал слова женщин на веру.

В 43 года графиня Самойлова ясно поняла, что лучшие годы жизни, увы, позади. От скуки и одиночества не спасали ни молодые поклонники, которых вокруг по-прежнему было пруд пруди, ни французское шампанское, к которому она изрядно пристрастилась. Выйдя во второй раз замуж за никому не известного тенора Перри, смазливого малого, годящегося ей в сыновья, она сделала последнюю отчаянную попытку обрести счастье в браке. Но ровно через год сеньор Перри умер в Венеции от чахотки, оставив на память

себе лишь папки с непрочитанными партитурами да огромные карточные долги. Юлия похоронила мужа в склепе на парижском кладбище Пер-Лашез. Туда же она завещала перенести и свои останки...

...Перед тусклым, запыленным зеркалом сидит пожилая женщина в глухом коричневом платье, его единственное украшение — выдавший виды белый кружевной воротничок. Юлия Павловна пристально разглядывает свое отражение: сетка мелких морщин, бледная кожа, усталая складка у губ. От былого богатства остались жалкие крупички: в последние годы Самойловой пришлось продать даже фамильные драгоценности. Она удочерила двух прелестных девочек — Амалицию и Джованну, воспитание которых стоило Юлии Павловне целого состояния. Но дети неблагодарны: повзрослев и удачно выйдя замуж, они будто забыли о своей приемной матери. А сколько ей пришлось заплатить, чтобы вернуть свой титул! Отважившись на неравный брак с Перри, она не

только лишилась российского подданства и всех имений, но и потеряла титул. Обвенчавшись с разорившимся французским дипломатом, графом Карлом де Морне, Юлия Павловна обрекла себя на то, что до последнего вздоха обязана выплачивать ему огромное содержание...

большом кладбище Монте Тестаччо близ Рима... Возможно, Юлию Павловну так потрясло это известие, оттого что она все чаще задумывалась: а будет ли кто-то рядом, когда пробьет ее час идти на суд к Всевышнему. Разве что старая горничная...

Графиня Самойлова пережила

Брюллов умер в одиночестве и был похоронен как безвестный бедняк с городской окраины — на небольшом кладбище близ Рима

Когда ей сообщили о смерти Брюллова, графиня долго не могла прийти в себя. Карл простудился, расписывая Исаакиевский собор. Он уехал на лечение в Италию, но болезнь скоро взяла верх. Брюллов умер в одиночестве и был похоронен как безвестный бедняк с городской окраины на не-

Брюллова почти на четверть века и скончалась в возрасте 72 лет. За несколько дней до смерти она попросила прислугу непременно похоронить ее в платье из светло-зеленой тафты: «Один художник говорил, что этот цвет мне очень к лицу...»

Варвара Холупец